

Долгий век Евгении Хорошиловой

Почему, рассказывая о своей жизни, 95-летняя жительница ракитянского посёлка Пролетарского не может сдержать слёз

Жизнь Евгении Хорошиловой неразрывно связана с железной дорогой / Фото: Павел Колядин

В судьбе долгожительницы из Ракитянского района, как в зеркале, отразился сложный и противоречивый XX век. Она голодала в 30-х, спасалась в погребе от бомбёжек во время Великой Отечественной войны, строила дома в разбитом врагом Харькове после его освобождения и поднимала детей в непростое послевоенное время. И, конечно, работала: много лет трудилась проводником на поездах ЮВЖД. А между сменами хлопотала по дому, держала хозяйство

и обрабатывала большой огород...

Железная дорога проходит почти под окнами маленькой квартиры Евгении Трофимовны.

«Сейчас движение не то, что раньше. Редко идут поезда. Да они мне и не мешают. А мама моя, помню, как-то осталась ночевать и не смогла заснуть из-за них», – с улыбкой говорит пожилая женщина.

За долгие годы она привыкла к звукам железной дороги, на которой проработала много лет: в молодости – проводником на брянском поезде, в зрелые годы – бригадиром поезда Готня – Харьков. Под стук колёс прошла большая часть её жизни в этом старом двухэтажном многоквартирном доме, построенном почти вплотную к железной дороге. И сейчас долгими бессонными ночами Евгения Хорошилова, как бусинки в шкатулке, перебирает воспоминания о родных, которых давно нет в живых, об испытаниях и редких скудных радостях, которые выпали на её долю...

Спасла похлёбка

Родилась Евгения Трофимовна в посёлке Борисовка тогда ещё Курской области 7 ноября 1927 года. Её отец – Трофим Ильич Сытник – работал столяром на заводе в Харькове. Жил там же, в заводском бараке, а домой приезжал только на выходные. Когда подрос старший сын Михаил – и его пристроил к себе на завод. Мама – Мария Петровна – хлопотала по дому и воспитывала детей – всего их в семье было пятеро.

Первое осознанное воспоминание Евгении Трофимовны – о страшном голоде начала 30-х годов.

«Помню, как сильно хотелось есть. Мы все такие худые были. Отец нас тогда забрал в Харьков. Мне только 6 лет исполнилось, а сестра Катя на 2 года старше была. И вот она в 8 лет в заводской мастерской уже работала – подметала. За это нам похлёбку давали. Ею и спаслись», – со слезами на глазах рассказывает Евгения Трофимовна.

Но особенно в её память врезался случай, как мать в надежде накормить семью ушла на базар обменять свои золотые серьги на еду. А там её обманул мошенник.

«Сию, жду маму, плачу – кушать хочется. А она пришла с базара и тоже плачет, отцу жалуется: «Ой, Трофим, меня обдурили!». Этот мошенник ей как глаза отвёл. То берёт серьги и деньги ей даёт, то назад их забирает, говорит, что дорого. И осталась она без серёжек и с 3 рублями в руке – тогда столько буханка хлеба стоила», – вспоминает Евгения Трофимовна.

Жили в погребах

На всю жизнь запомнила женщина и начало войны, которое связано у неё с первой бомбёжкой родного посёлка.

«Мы же не знали, что это такое. По радио объявили: война. А потом полетели самолёты. Был солнечный день, а они летят и на солнце блестят. И вдруг: бах! бах! – бомбить начали. Мы в дом побежали. Попадали на пол. Мама сестру маленькую, Валю, к себе прижала. Мы с Катей рядом лежим, дрожим, слышим: и-и-и! – бах! и-и-и! – бах!!! Двери в доме раскрылись, окна повывлетали. А я лежу и молюсь: «Ой, Господи, хоть бы последняя! Хоть бы последняя, Господи!» А когда всё закончилось, мы вышли и увидели, что многие дома на нашей улице разрушены», – рассказывает

Евгения Хорошилова.

Бомбили тогда часто, и семья почти в полном составе пережидала страшные часы и дни в соседском погребе – он был больше. Отца и старшего брата Евгении Трофимовны призвали на войну, а её старшая сестра Мария уже училась на медсестру в Харькове. Там она и попала в окружение, из которого с трудом выбралась и окольными путями добралась домой.

«Когда наши отступали, мы в погребах жили. Наши тогда били с леса, а немцы – с поля. Сидели мы в погребе и день, и два, и три. А уже есть хочется. Вылезли и решили дома переночевать – вроде утихло. Но, как стемнело, опять налетели самолёты и начали бомбить. Одна бомба разорвалась в нашем огороде, а другая в землю врылась, но не взорвалась. Её потом взрывотехники забрали и где-то в поле разрядили», – вспоминает женщина.

Горелый хлеб и лук с солью

А в начале 1942 года вновь пришёл голод. От него борисовцев спас горелый хлеб с зернохранилища.

«Говорят, его наши, когда отступали, запалили. И мы туда, на станцию Новоборисовка – за семь километров – ходили, эти зёрнышки выбирали. А они палёные, дымом прошли. Смешивали их с бурьяном, по полям собирали колоски, мёрзлую картошку выкапывали и буряки. Так и выживали», – вздыхает Евгения Трофимовна.

В августе 1942 местные потянулись на базар в Харьков – там можно было продать овощи с огорода или обменять их на хлеб или другие продукты. Отправила мать туда и Женю со старшей сестрой Катей и соседской девочкой.

Рано утром они взяли по два небольших мешочка лука, перекинули их через плечо и отправились в неблизкий путь. Шли весь день – и к ночи добрались до Казачьей Лопани, где остановились переночевать у знакомой женщины. Катя пошла на разведку: нельзя ли доехать до Харькова на товарняке? Вернулась с радостной новостью: в товарняк их обещали пустить. Только сидеть велели тихо, чтобы немцы не услышали.

«Покидали мы свои мешочки с луком в вагон, сами залезли и тихо сидим, не разговариваем. И вдруг двери – гrrrrr! – открываются. Фонарём светят, кричат: «Вэк! Вэк! Шнель, вэк!» Немцы! Схватили наши оклунки, повыбрасывали. Но бить не били, правда. Мы мешки свои подхватили, – и бежать к этой женщине, у которой останавливались переночевать», – рассказывает Евгения Хорошилова.

На рассвете они с сестрой и подругой снова отправились в путь – и к обеду дошли до Харькова. Встали на базарчике, разложили лук у ног. А рядом другие люди стоят, кто чем богат, торгуют: у кого пирожки, у других фасоль или соль. Подошла к девочкам женщина и предложила весь лук у них купить подешевле. Те согласились. На вырученные деньги купили себе по пирожку и по 10 стаканчиков соли – она тогда была большим дефицитом.

«А когда мы вернулись домой, мама на нашем базарчике в Борисовке часть этой соли продала, а часть себе оставила. Вот так мы и жили», – вздыхает пожилая женщина.

Со стройки на поезд

В 1943 году, едва Евгении Трофимовне стукнуло 16 лет, она поступила в проводники. Оформить-то её оформили, но по возрасту в поезда первые 2 года не допускали.

«Была я чернорабочей. Строила дома, разгружали раствор и кирпичи. Сколько я на своих плечах их перетаскала!» – вздыхает женщина, вспоминая, как сильно был разбит Харьков после освобождения.

А в 1944 году в семью Сытник прилетела чёрная весть. Старший брат Евгении Трофимовны скончался в госпитале от тяжёлых ран в селе Ракшино Могилёвской области.

«Брат переписывался с Катей, и в последнем письме написал: «Катя, завтра идём в бой. Вернусь живым – напишу!». И вдруг приходит похоронка. Сколько слёз было – ужас», – плачет, вспоминая об этом женщина.

А вот отец Евгении Трофимовны вернулся с войны живым. Правда, был ранен в плечо и лечился в госпитале в Польше.

Нелёгкой была жизнь женщины и после войны, несмотря на то, что она уже работала проводником на брянском поезде. Зарплата – 385 рублей, но куда её тратить, если в магазинах шаром покати и даже хлеб по карточкам – не больше 600 граммов на руки. Но постепенно люди стали обживаться, заводить хозяйство. Расцвела торговля с рук, которая привела к появлению большого числа мошенников, не стесняющихся наживаться на чужом горе.

«Как они людей дурили! Заводили в разбитый дом, обещая, например, материю продать. А потом деньги хватать – и бежать! И оставались люди и без денег, и без материи», – негодует Евгения Трофимовна.

Сама она тоже дважды становилась жертвой мошенников. В первый раз, правда, каким-то чудом ей удалось отбить у прохиндея, продававшего пиджачок, почти все украденные у неё деньги. А вот во второй раз не повезло: мошенница, обещавшая ей продать редкие по тем временам резиновые ботинки на каблучке, испарилась вместе с наличными.

С нитки и иголки

С будущим супругом Митрофаном Павловичем жизнь сводила Евгению Трофимовну дважды. Сперва сосед-милиционер её уже замужней сестры Кати предложил познакомить 20-летнюю девушку со своим коллегой.

«Он сказал мне выйти на перрон, когда тот будет дежурить, чтобы мы познакомились. А я подумала: ну как это будет – нате вам, вот она я пришла! И не вышла», – смеётся женщина.

Но от судьбы не уйдёшь. И однажды, когда она вышла из вагона, к ней подошёл паренёк, представился Митей и предложил проводить до дома. Потом сходили в кино раз, другой... И создали семью. Вскоре Митрофану Павловичу предложили место и квартиру в Пролетарском. Туда молодая семья Хорошиловых и переехала в 1947 году.

«Приехали – ничего у нас не было. Начинали жить, как говорить, с нитки и иголки. Купили только кровать. Я к маме съездила, попросила дать мне одно одеяло и простынь. Отец тогда работал в домоуправлении столяром и сделал нам скамеечку, потом шкафчик посудный и стол кухонный», – рассказывает Евгения Хорошилова.

Один за другим родились в семье двое детей: в 1949 году – сын Валерий, в 1956-м – дочь Тамара. Евгения Трофимовна ушла с работы и посвятила себя заботе о доме и детях – так решил муж. Сам он работал поездным мастером: водил поезд Владивосток – Харьков, отсутствуя дома по 24 дня. А следующие 24 дня после возвращения из рейса проводил дома.

«А я с детьми и по хозяйству. И свиней держала, и кур, и огород большой был, – как бы оправдывается Евгения Трофимовна за большой перерыв в трудовом стаже».

Но дети подросли, и она вернулась на железную дорогу. Последние 3 года перед выходом на пенсию её повысили – ездила бригадиром поезда Готня – Харьков. На заслуженный отдых женщина ушла в 1985 году.

Испытание временем

А дальше покатила потихоньку жизнь на пенсии. В 1996 году похоронила она мужа. За 6 лет до этого у Митрофана Павловича открылась язва на раненой в войну ноге – её отняли, и Евгения Трофимовна ухаживала за лежащим мужем. Ушли из жизни сын и дочь женщины, из родных у неё остались лишь внук Дима с женой и внучкой Ангелиной. Они живут здесь же, в Пролетарском, на соседней улице и каждый день созваниваются с бабушкой, чтобы узнать о её самочувствии, а также привозят ей домашнюю еду. Несколько лет назад у Евгении Трофимовны начались серьёзные

проблемы со здоровьем, и её взяла под своё крыло соцзащита. Соцработник приходит к ней каждый день и помогает справиться со всеми бытовыми вопросами.

«Убираемся, моемся, кушаем. Здесь у нас вагон-ресторан: разогреваю и оставляю Евгении Трофимовне еду на столике рядом с кроватью. А грязную посуду она потом на холодильник ставит», – рассказывает соцработник **Антонина Гуменова**.

Пожилая женщина сейчас почти не ходит – ноги немеют и отказываются её носить даже по дому. Подводят и слух со зрением, а по ночам мучает бессонница.

«Я не знаю, для чего мне Господь так много лет отпустил. Для чуда?» – вздыхает Евгения Трофимовна.

Но Антонина Николаевна не даёт ей грустить: погромче включает любимое радио и наводит кружку горячего какао с четырьмя ложками сахара.

«Я сладкое с детства люблю: конфеты, шоколад», – признаётся Евгения Трофимовна. И улыбается, услышав звонок телефона: Дима звонит!